

Правда для правды, а не для красоты!
(Фёдор Достоевский)

ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ИМЕЕТСЯ ВОЗРАСТНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ: ДАННОЕ ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ
ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ (16+)

КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
Пермской краевой общественной организации Союза писателей России
при поддержке Министерства культуры, молодёжной политики и массовых коммуникаций Пермского края

№ 2 (12)
7 июля 2014 года

[литературные вести]

■ ДЕНЬ ПУШКИНА

ПУШКИН. КАК МНОГО В ЭТОМ ЗВУКЕ...

Как и в прошлом году... Как обычно... Как всегда... — как замечательно, что каждый год (и уже много лет подряд) случается то, что разные люди называют по-разному: «Пушкинский день», «День рождения Пушкина», «День русского языка!» Называют по-разному, но собираются вместе, объединённые одной датой, одним именем.

6 июня 2014 года в Перми в сквере на Сибирской рядом с нашим Пушкиным (автор памятника скульптор В. М. Клыков) вновь собирались любители литературы, словесности: профессиональные писатели, авторы-любители, педагоги, краеведы — в основном взрослые люди... Притормаживали автомобили. Пешеходы, спешащие по делам, услышав поэтические строки, останавливались — кто на мгновение, кто на несколько

минут, кто до конца мероприятия. Мероприятия, подготовленного и проведённого Пермской краевой организацией Союза писателей России.

Владимир Викторович Якушев, руководитель пермских писателей и ведущий праздника, представлял поэтов и прозаиков — передавал слово одному, другому: Игорь Тюленев, Фёдор Востриков, Александр Гребёнкин, Виталий Богомолов... И звучали стихи, к сожалению, часто заглушаемые звуками улицы, но всё равно слышимые, доходящие до души. И говорились правдивые — нужные — слова. И волновалась молодёжь из литературной студии «Тропа», и бравировали «студенты» литературной студии «Т.И.Р.»...

Когда же мероприятие подошло к концу, и люди потихоньку начали покидать Пушкинский сквер, возникло ощущение: чего-то не хватило. Чего? Может быть, самого Пушкина или ежедневного обращения к основополагающей для нас классике?

Анна СНЕГИНА, г. Пермь

■ КОМАНДИРОВКА

СМОТРЕЛИ, СЛУШАЛИ, ОБЩАЛИСЬ

Союз писателей России и Пермская краевая детская библиотека имени Л. И. Кузьмина

Третий год подряд Пермская краевая детская библиотека им. Л. И. Кузьмина при поддержке Министерства культуры, молодёжной политики и массовых коммуникаций Пермского края организует Библиокруиз по Пермскому краю. На этот раз его летний маршрут пролёг через село Вознесенское, посёлок Зюкайка Верещагинского района, город Верещагино и посёлок Юго-Камский Пермского района. Именно эти населённые пункты творческое жюри назвало победителями мониторинга деятельности библиотек по продвижению творчества пермских детских писателей «Пермское детское чтение».

10 и 18 июня пермские писатели Владимир Виниченко, Андрей Зеленин и Леонид Копко встретились с детьми из местных летних оздоровительных лагерей. Авторы рассказали ребятам о своих книгах и прочитали отрывки из них. Каждая встреча с писателями вызвала массу положительных эмоций и порадовала искренностью и содержательностью.

Отзывы детей и педагогов отличают большая благодарность, желание встретиться вновь, восторженные слова о добром общении.

Литературные мероприятия также по-

Юные читатели Пермского края

сетили представители власти. В посёлке Юго-Камский гостей и участников Библиокруиза-2014 приветствовал глава сельского поселения А. А. Бояршинов. Он произнёс речь о важности продвижения книг пермских авторов и поблагодарил писателей и сотрудников краевой детской библиотеки за активное участие в просвещении подрастающего поколения.

По традиции вместе с писателями по библиотекам края путешествовали студенты Пермского краевого колледжа искусств и культуры. Молодые артисты представили вниманию юных зрителей спектакли «Волшебные прогулки с книгой» и «Сказы Бажова» (руководитель Ф. В. Рутулите).

Руководитель пермской «команды», заведующая отделом «Краевой центр детского чтения» ПКДБ им. Л. И. Кузьмина Е. Л. Герасимова провела обзоры для руководителей детского чтения «Современная детская литература» и «Пермские писатели — детям».

...Всего в мероприятиях приняло участие более 800 человек (дети, библиотекари, педагоги, родители)...

Мария ШУСТОВА, г. Пермь,
www.pkdb.ru

В. В. Виниченко: «Пишу для детей»

■ СЛОВО РОССИИ

Константин СИМОНОВ,
Союз писателей СССР

ЕСЛИ ДОРОГ ТЕБЕ ТВОЙ ДОМ...

Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты, в люльке качаясь, плыл;
Если дороги в доме том
Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нём исхоженные полы;

Если мил тебе бедный сад
С майским цветом, с жужжаньем пчёл
И под липой сто лет назад
В землю вкопанный дедом стол;
Если ты не хочешь, чтоб пол
В твоём доме фашист топтал,
Чтоб он сел за дедовский стол
И деревья в саду сломал...

Если мать тебе дорога —
Тебя выкормившая грудь,
Где давно уже нет молока,
Только можно щекой прильнуть;
Если вынести нету сил,
Чтоб фашист, к ней постоем став,
По щекам морщинистым бил,
Косы на руку намотав;
Чтобы те же руки её,
Что несли тебя в колыбель,
Мыли гаду его бельё
И стелили ему постель...

Если ты отца не забыл,
Что качал тебя на руках,
Что хорошим солдатом был
И пропал в карпатских снегах,
Что погиб за Волгу, за Дон,
За Отчизны твоей судьбу;
Если ты не хочешь, чтоб он
Перевёртывался в гробу,
Чтоб солдатский портрет в крестах

Взял фашист и на пол сорвал
И у матери на глазах
На лицо ему наступал...

Если ты не хочешь отдать
Ты, с которой вдвоём ходил,
Ты, что долго поцеловать
Ты не смел, — так её любил, —
Чтоб фашисты её живьём
Взяли силой, зажав в углу,
И распяли её втроём,
Обнажённую, на полу;
Чтоб досталось трём этим псам
В стогах, в ненависти, в крови
Всё, что свято берег ты сам
Всёю силой мужской любви...

Если ты фашисту с ружьём
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать,
Всё, что родиной мы зовём, —
Знай: никто её не спасет,
Если ты её не спасёшь;
Знай: никто его не убьёт,
Если ты его не убьёшь.
И пока его не убил,
Ты молчи о своей любви,
Край, где рос ты, и дом, где жил,
Своей родиной не зови.
Пусть фашиста убил твой брат,
Пусть фашиста убил сосед, —
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправдания нет.
За чужой спиной не сидят,
Из чужой винтовки не мстят.
Раз фашиста убил твой брат, —
Это он, а не ты солдат.

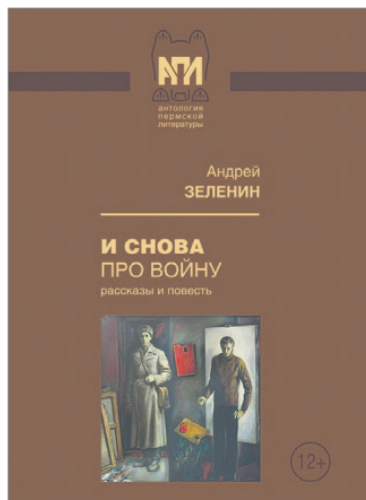
Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвым стоял.
Так хотел он, его вина, —
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой.
Пусть ислачивается не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будет ждать.
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

■ БАЗА АПА

И СНОВА ПРО ВОЙНУ

В книжной серии АПЛ («Антология пермской литературы»), придуманной и осуществлённой Пермской краевой организацией Союза писателей России, готовится к изданию новая книга. В неё вошли все произведения пермского детского писателя Андрея Сергеевича Зеленина, посвящённые событиям 1941–1945 годов: повесть «Мамкин Василёк» и 25 рассказов. Большая часть произведений, основанных на реальных событиях, повествует о маленьких детях, оказавшихся в огне войны.

Анна Снегина,
г. Пермь

■ ЗЕМЛЯ И НЕБО

К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова

ТРАГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Пермская краевая организация Союза писателей России готовится отметить день рождения выдающегося русского поэта выходом сборника, объединённого «лермонтовской темой». Сборник продолжит набирающую читательские обороты серию «Антология пермской литературы».

Основу сборника составляют две рукописи пермских писателей: документальная повесть об обстоятельствах гибели гениального поэта «Трагическое противостояние» Михаила Ивановича Давидова и повесть «Сговор» Ивана Петровича Гурина. Кроме того, в сборник войдут стихи и статьи пермских авторов, напрямую обращающихся к лермонтовской традиции или творчеству нашего национального гения.

А пока ради конкретики два коротких этюда из будущей книги.

«Сговор» (И. П. Гурин):

«...Я поднимаюсь вверх по ступенькам горы Горачей к орлу – символу Кавказа. От него иду к Академической галерее, построенной на месте бывшего Елизаветинского источника. Недалеко от галереи – грот Лермонтова. В нём, в те времена безымянном, Печорин встречался с княгиней Верой. Может, и мне удастся назначить здесь свидание какой-либо барышне с «хорошеньким личиком».

У грота суетливый фотограф предлагает зевакам увековечить себя с фигурой волка из фанеры или живой обезьянкой. И желающие находятся, подхватывают «серого» под руки, шерятся с макакой.

– Слушай, – говорю ему, – ты людей иначе снимай, место тут особое.

Фотограф, с бородкой, в полосатой безрукавке, в сандалиях на босу ногу, смотрит на меня подозрительно – не контролер ли откопался? – и подцепляет:

– А как, умник?

– Загадочными, влюбленными.

Заметив мою фотокамеру, он, удерживаясь от брани, бросает:

– Сам и снимай, как надо!»

«Трагическое противостояние» (М. И. Давидов):

«...Вскоре Мартынов женился на прехорошенькой даме и зажил счастливой семейной жизнью. Вот тебе и епитимья!

Благодаря многочисленным просьбам Мартынова и ходатайствам генерал-губернатора Бибикова Святейший Синод уже в 1843 году сократил срок покаяния с 15 до 5 лет, а 25 ноября 1846 года освободил Мартынова от епитимьи. Мартынову был разрешён переезд в Москву. Но уж так понравилась Николаю Соломоновичу

такая «ссылка», что он ещё несколько лет прожил в Киеве и лишь затем отправился в Москву, где разместился в собственном доме... Вот такое «наказание» понёс отставной майор Мартынов за убийство великого русского поэта М. Ю. Лермонтова».

Н. С. Мартынов
в Пятигорске в 1841 г.
(Неизвестный художник)

■ ДОСТОЯНИЕ

Владимир ГЛАДЫШЕВ,
Союз писателей России,
г. Пермь

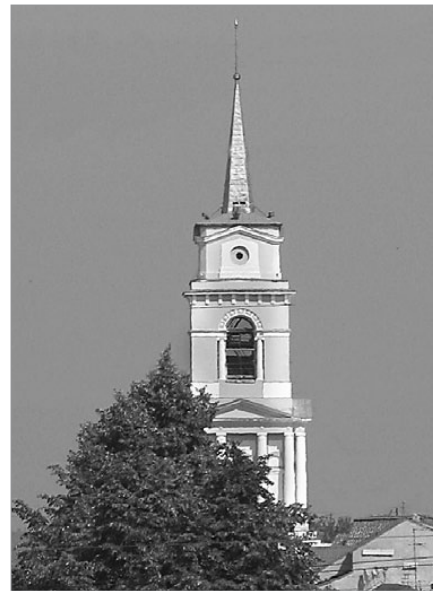

А ГДЕ ТУТ НАШ ХРИСТОС, или ЕЩЁ НЕМНОГО О ПЕРМСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕЕ (из рассказа профессора С. Гольница)

У нас в семье передаётся легенда или байка, связанная с академиком Беклемышевым, который когда-то преподавал в Пермском университете. Изучал кровососущих, «победил» страшного малярного комара...

Владимир Николаевич обладал глубокой культурой, широкой эрудицией, читал античных авторов в подлиннике. Ещё его отличали независимый склад ума, гражданское мужество. Когда, к примеру, раскручивалось пресловутое и мерзкое «дело врачей», многие ведь отвернулись от докторов, объявленных «вредителями и убийцами». С родственниками их избегали общения и так далее. А Беклемышев при встрече с членами семей арестованных коллег подчёркнуто вежливо здоровался и не приподнимал – снимал шляпу. Наши семьи были в старые годы довольно близко знакомы, мать супруги Владимира Николаевича, Надежда Григорьевна Колпенская, преподавала в своё время в гимназии моей бабушки. И вот, мама моя рассказывала, как ещё в пермские годы Беклемышев вёл занятия со студентами в музейном зале (Пермской художественной галереи. – *Ред.*), где экспонировались произведе-

ния Пермской деревянной скульптуры. Вдруг в зал вошла женщина, по обличению простая крестьянка, и спрашивает: «Милые, а где тут наш Христос?» Студенты захихикали. А Владимир Николаевич провёл старушку к сидящим Спасителям (экспозиция, разумеется, была создана в целях антирелигиозной агитации), встал рядом с необычной посетительницей и перекрестился. Я это к чему вспомнил? Мне кажется, вот так же подчёркнуто уважительно и бережно должны вести себя и современные служители церкви по отношению к светской культуре, к нашему общему культурному достоянию. Да, в те богоборческие годы у шедевров деревянной скульптуры можно было прочитать такие лозунги, к примеру: «Долой допотопных монахов, долой допотопных попов, мы на небо ползем, разгоним всех богов!» Но «пермских богов», которых изучает весь мир, собрали и спасли искусствоведы Сыропятов и Серебренников. Надо помнить об этом. Кстати, наличие крупной галереи и

собрания «пермских богов» – одно из главнейших преимуществ Перми в извечном соперничестве двух уральских городов: Перми и Екатеринбурга.

■ ДОСТОЯНИЕ

Алексей ДУБРОВИН
Союз писателей России,
г. Пермь

КУДА: ГОРОД ОЧЁР, УЛИЦА МАЛКОВА

Через рутинных событий то и дело подбрасывает в жернова житейских будней перемешанный с остатками сорняков овёс, рожь ли наполовину разбавленную ячменём, и совсем редко вспыхивает перед помолом в лучах солнца наливным бело-жёлтым зерном матушка-пшеница. Хлеба из её живительной муки подавались на Руси лишь по большим праздникам да по прибытию долгожданных гостей. В повсеместной суете ограничивались караваем из муки попроще.

Сегодня я попросил бы пекаря взять из амбарных запасов муки белой, пшеничной, а после обошёл бы с румяными каравами всю новую улицу – угощайтесь, люди! Да вот беда: улица-то пока пустая, не бежит по ней ребятыня, не цветут в палисадниках сирени. Улица появилась на карте города Очёр совсем недавно и получила она имя великого краеведа земли пермской Филиппа Михайловича Малкова.

С середины двадцатых годов прошлого века учитель очёрской средней школы собирал по крупицам забытые знания о пермской земле, о народе, населявшем её, о нравах и обычаях Строгановых и их окружения. И собрал-таки к началу сороковых годов XX века столько, что устоять перед открытием Очёрского районного музея стало невозможно ни властям, ни местным краеведам, ни общественности. В стареньком здании, где обитала редакция газеты «Сталинский ударник», родился самый настоящий краеведческий музей. Он ожил, зады-

шал, заговорил вековыми тайнами немногочисленных ещё экспонатов, привлекая первых посетителей. Народ потянулся поглазеть на чудные дивности, а с собой нередко прихватывал для дара в музей старинные утюги, прятки, бумаги с царскими вензелями.

Война 1941–1945 годов грязной лапой распростёрлась над очагами культуры и искусства, позакрывались не только провинциальные музеи, но и в столичных задумались о выживании людей и самих артефактов, картин, реликвий. Вообще та страшная пора принципиально изменила жизнь и неволевавших – холод, голод, и речь о третьесортной муке в тылу уже не вели. Не было муки почти никакой. По воспоминаниям очевидцев, везде – на клумбах тоже – высаживали по вёснам картошку и табак.

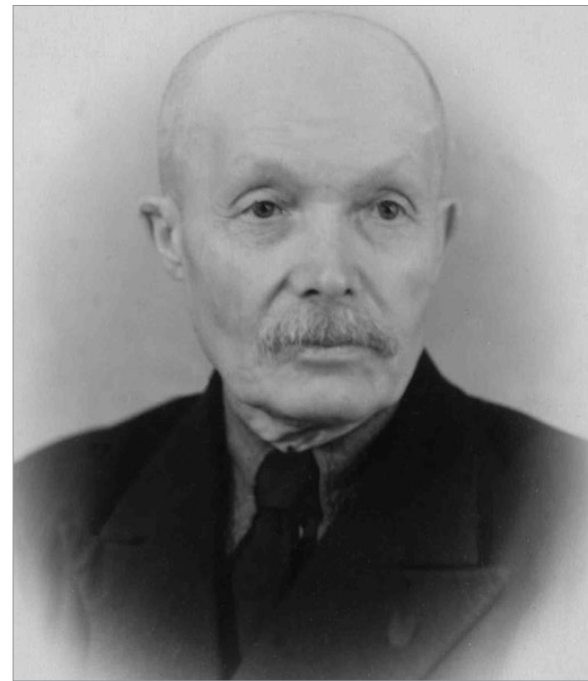
Музей в редакции «Сталинского ударника» в 1942 году закрылся, экспонаты с согласия Малкова прибрал в кладовку своего дома один из его единомышленников. Сам Малков продолжил учительствовать – по годам под призыв на фронт не попал, а по воскресеньям ходил по деревням, выменивая личные вещи на продукты. Вскоре, как рассказывают ныне живущие свидетели, свалила его тяжёлая болезнь. Едва выжил. Костлявая ведьма с косой, наверно, убоилась человека, в бреду читавшего по памяти Шекспира на английском языке. У Малковых к началу войны собралась огромнейшая библиотека, и Филипп Михайлович слыл в посёлке известным эрудитом, знатоком не только карты неба, но и недр Земли, её прошлого. Не случайно в октябре 1940 года был единогласно выбран председателем местного краеведческого общества. Он выжил в войну, пройдя по краю жизни и смерти. Должно быть, в болезненном тумане мозг не только вспоминал строки из «Гамлета», но и рисовал контуры будущих музейных стеллажей и витрин.

Война закончилась, музей не воссоздался. Причины и обстоятельства драмы под названием «Тяготы очёрского музейного дела» расписаны в моём издании «Костёр краеведа Малкова», увидевшим свет в январе 2012 года.

Сегодня я не об этом, сегодня речь идёт о праздничном каравае, поскольку свершилось событие – Постановлением администрации Очёрского городского поселения № 343 от 03.10.2012 вновь образованной улице

на территории юго-западной части города Очёр в кадастровом квартале 59:31:0494701 присвоено имя краеведа Филиппа Михайловича Малкова. Кстати, именно этот человек проложил путь краеведческому книгоизданию в западном Прикамье, выпустив не без участия Бориса Никандровича Назаровского в 1959 году первый большой труд об истории западной оконечности края: «В старом Очёре».

...Ничего, обживут молодые семьи в Очёре улицу Малкова, пройдуся я весенним днём с караваем белого хлеба по дворам, расскажу о подвижнике Н. К. Крупской, В. М. Молотова, того же Б. Н. Назаровского и многих других, чьи имена уже вошли в историю. Остаётся поблагодарить городскую власть Очёра, работников местного краеведческого музея, общественность за память о добром человеке. Получилась она достойная, и главное – Филипп Михайлович заслужил её всей своей жизнью.

Филипп Михайлович Малков

■ ВРЕМЯ

Иван ЁЖИКОВ,
Союз журналистов России,
г. Пермь

К 130-летию со дня рождения В. В. Каменского

ДВЕ СТРУНЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: Василий Каменский о Владимире Маяковском

«Звени, солнце! Копья светлые мечи, лей на Землю жизнедатные лучи. Звени, знойный, краснощёкий, ясный-ясный день! Звенидень! Звенидень!»

Эти строки написал сто лет назад поэт-песнебоец, футурист и авиатор Василий Васильевич Каменский. Он родился сто тридцать лет назад, в апреле 1864-го в поселке Боровское, в самом центре Урала.

Ещё в шестидесятые годы прошлого века, будучи студентом Пермского госуниверситета, я полюбил его поэзию, жадно искал и читал всё о его легендарной жизни, о друзьях-будетлянах. Однажды в кратком справочнике книголюба я с удивлением увидел в списках отечественных книг, разыскиваемых крупнейшим книгохранилищем страны, название книги Василия Каменского «Жизнь с Маяковским». Эта книга давно стала раритетом и практически неизвестна современному читателю. В своё время, изучая творчество В. Каменского, я и сам искал эту книгу.

Поиски привели меня в дом пермского писателя, автора «Бурлаков» Александра Николаевича Спешилова. С поэтом его связывали многие годы близкой и счастливой дружбы. Как-то во время одной из наших бесед писатель достал с книжной полки домашней библиотеки книгу В. Каменского «Жизнь с Маяковским».

На титульном листе трогательная надпись: «Двум любимым Шурочкам (А. Н. и А. П. Спешиловым. – И. Е.) – друзьям юности на счастье. В. Каменский. 28 янв. 42 г.»

В книге автор живо и увлекательно рассказывает о многолетней дружбе с В. Маяковским. Об их совместной поэтической работе, их исканиях в период становления новой культуры и как бы продолжает те автобиографические произведения, которые были изданы поэтом раньше. Это «Его-Моя биография великого футуриста» (М., 1918, типография Т.Ф. Дортман), «Путь энтузиаста» (М., «Федерация», 1931). Изданные малыми тиражами, его автобиографические книги давно стали библиографической редкостью и сегодня мало известны.

Интересная особенность: все они охватывают период жизни и творчества поэта до 1918 года. Прочитанные одна за другою, они многое проясняют в его творческой судьбе. Автор словно говорит читателю: «Смотри. Слушай. Вникай. Так рождаются поэты».

Ко времени создания своего знаменитого романа «Стенька Разин» у поэта за плечами был большой социальный опыт. Участие в революционных событиях 1905 года в Нижнем Тагиле, когда рабочие-железнодорожники избрали его председателем исполнительного забастовочного комитета. Поражение забастовщиков, арест, заключение в одиночную камеру Николаевской тюрьмы Верхотурского уезда многое дали будущему поэту в смысле социального прозрения.

Но в литературе нужна смелость совсем иного рода – смелость пророка и агитатора, творческая дерзость, которой обладает только сильный, самобытный талант. В это нужно было поверить и самому поэту. А он, автор повести «Землянка», стихотворений, горячо принимавшихся молодежной аудиторией, продолжал грезить полётами на аэропланах. Авиация была его призванием, осталась страстью и ведущей темой в его творчестве на всю жизнь.

Нужен был внешний толчок, пример другого, чтобы всерьёз взяться за поэтическую работу, которая ещё вчера казалась недостижимой. И здесь нужно сказать о его молодом друге Владимире Маяковском, который вместе с Д. Бурлюком «снял» Каменского с небес и привёл в лагерь будетлян.

Впервые они встретились в Москве на квартире их общего друга Давида Бурлюка осенью 1913 года. Василий Каменский уже имел литературное имя и был хорошо знаком с писателями А. Куприным, А. Блоком, Л. Андреевым, А. Ремизовым, С. Городецким, критиком К. Чуковским. Он был к тому же известным в России пилотом, членом Императорского Всероссийского аэроклуба, совершил десятки публичных полётов, много раз рисковал жизнью, потерпел авиакатастрофу и живо был похоронен польскими газетами. И вот теперь

приехал в Москву, где и увидел 20-летнего Владимира Маяковского, тогда ещё совсем неизвестного поэта. Несмотря на это, Маяковский произвёл на Каменского очень сильное впечатление.

Вот как он сам рассказывает об этом на страницах незаслуженно забытой книги «Жизнь с Маяковским»:

«Пригнал в Москву и с вокзала прямо к Бурлюку, в Уланский переулок, что на Мясницкой.

Ветром влетел в просторную комнату старого дома. Всюду картины. На полу беспорядок полный, как после землетрясения. Пахнет свежими красками, скипидаром, керосином, угольным угаром. На столе горячий большущий самовар, колбаса на газете и каравай ситного с изюмом.

За столом двое. Здоровенный Бурлюк со встрёпанной причёской, в малиновом жилете, в кожаных огромных отцовских ботах и худущий, черноватый юноша с большими сверкающими очами, в цилиндре набекрень, одетый, впрочем, неважнецки – в чёрной блузе без пояса. Руки крупные, розовые. Красивое, мужественное, волевое лицо.

Встретились шумно и бурно. Бурлюк басил по дыконски:

– Это и есть Владим Владимыч Маяковский, поэт-футурист, художник.

Маяковский показался мне молчаливым, скромным, даже застенчивым. Бурлюк предсказывал ему гениальное будущее.

И фигура, и голос, и плавающие жесты, и напористый, стихийный темперамент, и вообще горячее обаяние Маяковского (сидишь около него, будто у большого соснового костра), – всё это сразу подкупило меня».

Приводя это великолепное описание первой встречи с Маяковским, напомним, что Каменский сам был прекраснейшим декламатором стихов и свои произведения он писал в расчёте на чтение.

Но, думаю, не только голос и запоминающийся облик юноши подкупил автора воспоминаний. Их связывало в жизни очень многое.

Рукопись книги «Жизнь с Маяковским» В. Каменский в 1939 году передал издательству «Художественная литература». Её прочитали Н. Асеев, В. Катанян, редактор государственного издательства «Художественная литература» и друг поэта Т. Гриц, известные критики.

В. Каменский писал в Тифлис своему другу, издателю Б. Корнееву: «Ну, 5 редакторов – 5 мнений. В общем, книгу нашли чрезвычайно интересной, а в частности внесли ряд исправлений. И предложили вычеркнуть: карты, шампанское, девушек и даже апельсины. То есть самое вкусное в книге. Ну ладно. Пусть вычёркивают. Пусть делают Володю Маяковского вегетарианцем! А ведь он обыгрывал меня в карты всю жизнь. И ничего тут худого нет: ведь не я обыгрывал, а он. Вот и верь после этого книгам. Да ещё врать заставляют – будто он нуждался до революции, был бедным. А мы-то ох, ох, хватали «шляпинские» сборы сплошь. Нечего сказать. С. А. Лозовский был прав, когда убеждал меня написать всё, как было, чтобы иметь полное представление о Маяковском... Ну, ладно, пусть 5 редакторов вычёркивают вкус к жизни Маяковского. Я тут не виноват».

Книга увидела свет, хотя и с существенными купюрами. Между тем сохранился первоначальный вариант рукописи книги «Жизнь с Маяковским». Вот лишь несколько фрагментов из рукописи книги, которые не вошли в напечатанное издание.

«После повторного выступления в Киевском театре, где было ещё более шумно и будоражно, т. к. свой вечер мы назвали «Стихобойней», поехали в Москву.

Здесь началась постепенная подготовка к выпуску толстого «Первого журнала русских футуристов», а также первой книжки Маяковского – трагедия «Владимир Маяковский» (перед этим изданием в июле 1913 года была выпущена литографированная брошюра Маяковского «Я»).

И ещё печатались сборники: «Молоко кобылиц», «Дохлая луна» (2-е издание), «Рыкающий Парнас»... «Танго с коровами». Стихи В. Каменского.

Так вот энергично развернулось наше собственное издательство литературной компании футуристов – «Гилея».

А по существу всё это делал один Давид Бурлюк за свой страх и риск.

Первый гонорар за издание первой книжки «Владимир Маяковский» автор Володя получил полностью вперёд именно от рыцарского «издателя» Бурлюка.

И в первый же день счастливый автор «трагедии» весь свой гонорар проиграл в карты.

И сам же хохотал:

– Ну какой же это к чорту гонорар, когда его хватило только на одну ночь.

«Издатель» Бурлюк на это ответил:

– Я очень радуюсь, что у тебя нет двухэтажного дома – его хватило бы тебе тоже на одну ночь. Слишком шикарную жизнь ведёте, Владим Владимыч.

– Это ничего, – оправдывался Маяковский, – зато я

пишу «Тринадцатый апостол», плюс сценарий для кино. И сам буду играть. И вы будите участвовать.

За эти дни мы впервые познакомились с двумя замечательными юношами. Это были начинающие поэты – Николай Асеев и Борис Пастернак.

Тот и другой произвели впечатление вполне сложившихся мастеров поэтического слова.

И оба были готовы работать с нами. Борис Пастернак по внешности чем-то напоминал нам лицейского Пушкина. И даже по представляемому темпераменту.

И нам это очень понравилось. Коля Асеев – этакий голубоглазый, сверкающий блондин, удивил нас своей преданностью, нежной привязанностью, острым вкусом поэтической насыщенности.

Мы сразу горячо его полюбили за рыцарский энтузиазм и совершенную верность делу новой поэзии.

И он откровенно раз навсегда влюбился в Володю Маяковского и встретил полную взаимность.

Так они вдвоём носились вместе по улицам Москвы, наперебой везде читая стихи. И вместе бегали играть в карты – этот азарт их сдружил окончательно и на всю жизнь.

А мне с Бурлюком от этого стало легче – мы меньше проигрывали. Неудержимый Маяковский же проигрывался дочиста, до копейки так, что пускался на всякие хитрости дружеского порядка лишь бы «добыть на разживу», хоть рубль, хоть три, хоть десять, чтобы снова затеять игру, рассчитывая приумножить воображаемое богатство в сто раз и затем всё это снова проиграть.

Весной 1914 года в Москве и Петербурге проходили выставки левой живописи. Часть денег от продажи картин Д. Бурлюка и других художников шли на издание книг.

Был издан первый том «Творений» Хлебникова со вступительными статьями В. Каменского и Д. Бурлюка.

Володя Маяковский носился с этой Хлебниковской книгой стихов в десять раз больше, чем со своей, и всюду, как жемчуг, рассыпал наизусть цитаты:

*Волю видеть огнезарную –
Стаю лёгких жарирей, –
Дабы радугой сто жаркою
Вспыхнул морок наших дней.*

Или ещё – особенно любимая всеми нами:

*Уколовца расколоться
так хотела бы вода,
чтоб в болотце с позолотцей
Отразились повода.*

Или металлом голоса напевал Маяковский:

*И заревам маревом мысли роняю
В мир стаи
Лёгких теней.
И мыслевом заревам сень
Озари.
И гусями далями день
Подари.
За мороком ворогом один я стою
И, к мести взывая, месь создаю.*

И повторяя, будто в колокол:

*Слово – пальцы,
Слово – лён.
Слово – ткань...*

Когда в эти же весенние дни 1914 года из Петербурга в Москву приехал Хлебников и начал уверенно предсказывать, что будто летом должна разразиться мировая война, мы, признаваясь, ему не поверили – так это казалось невероятным.

Но Хлебников был в этом твёрдо убеждён, как в своих математических вычислениях.

А когда Маяковский предсказывал, что через два года будет революция в России, Хлебников точно и убеждённо ответил:

– Да. После двух лет войны. Это я знаю по закону цифр событий, определяющих судьбы России. Как истина о чередовании морских волн возвышается правилом девятого вала, так моё новое учение о судьбах человечества знает правило волнообразного изменения порядка событий в мире, устанавливая закон хребтов. Таким образом, мы сбрасываем одеяло времени и обнажаем истину – летом разразится война, а через два года совершится уничтожение русской монархии.

Все свои доводы нового учения Хлебников подтверждал бесконечными вычислениями исторических дат в объёме всех событий всего человечества за многие тысячи лет. При этом с лёгкостью дыхания он перечислял всех полководцев, всех вождей революций, всех мыслителей всего мира, указывая на закон времени их появления, как равно на таблицу их побед и поражений.

Таков был наш воинственный учёный пророк и гениальный поэт Витя Хлебников, которого мы беспредельно любили за его, как говорил Маяковский, «сверхчеловеческое происхождение».

Окончание на стр. 6 ►

■ ДОСТОЯНИЕ

Ольга РОЛЕНГОФ,
г. Пермь

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА «Человек жив, пока его помнят»

Кажется, совсем недавно студия «Арт Модерн» собирала пермских поэтов на 75-летие Алексея Леонидовича Решетова – в Союзе писателей России (на Сибирской, 30, г. Пермь. – *Ред.*). Ан нет – уже прошло два года.

На «Пермскую ярмарку», где последние годы проходил фестиваль «Биармия», а теперь зияет ощутимая пустота, «Арт Модерн» созвал молодых авторов – на День Рождения Поэта. Собрались самые-самые, тихие и скромные почитатели Решетова: Юлия Балабанова, Денис Голиков, Евгений Гусев, Гоша Звездин, Андрей Лапицкий, Михаил Куимов, Сергей Снежный и другие. Вёл

вечер философ Наби Балаев. По очереди признаваясь в любви к Алексею Леонидовичу (любимым стихотворением из его наследия), делились отголосками своих поэтических исканий...

С момента, как Алексей Леонидович ушёл от нас, студия стремится поддерживать в равнодушных пермяках память о нём: собирала современников и друзей поэта на памятный вечер в кафе «Вернисаж», озвучила идею установления мемориальной доски в доме на улице Кирова и внесла первый взнос, тем самым иницируя сбор частных средств для проекта. Тогда глава фонда «Юрятин» Владимир Абашев, живо поддержав идею, довёл сбор средств, создание и установление памятной доски до логического конца.

Позже участники «Арт модерна» в политехе и «на башне» в саду имени Горького устраивали «чтения», посвящённые «Иной речи» Решетова. И, наконец, Наби Балаев для привлечения широкого публичного внимания творческой молодёжи к поэтике Решетова от имени общества учредил молодёжную поэтическую премию «Иная речь», которой удостоились Антон Бахарев, Сергей Богомятков, Георгий Звездин, Вадим Керамов, Владимир Кочнев и Светлана Ворошилова, Игорь Михайлов. А в 2010 году, в рамках «Года Мамардашвили», в Перми, в библиотеке имени Пушкина Н. Балаевым была прочитана лекция «Мамардашвили и Решетов: параллели и совпадения».

«В наше безвременье, когда люди перестали говорить на искомом первородном языке и говорят на таком языке, на котором их духовные тайны им самим непонятны, и не могут разгадывать до конца свои страдания и искания, язык Решетова этом смысле является глубоким духовным подспорьем. Поэтому он заслуживает особого внимания, поскольку не только в поэзии, но и в философии говорят на таком языке, на котором то, что говорил Платон, Кант и то, что тебе не даёт ночами спать, никак не соединятся как преемственное звено общих исканий и частных страданий. И тогда нам непонятно, живы или мертвы в каждый данный момент времени, узнаём ли в мы себя в других людях, узнают ли они нас в себе... Вот эти духовные переключки если отсутствуют, это означает, что общего неба нет, общего образа нет, и тогда мы, как осколки разбитого зеркала, валяемся в грязной луже безразличия. И на этом пути меня всегда вдохновляет, и морально, и профессионально, поддерживает – опыт Решетова как некое духовное послание...

Опыт Решетова – это некое духовное посланье, в котором частным образом озвучено духовное волнение всего двадцатого века, особым христианским взглядом, не на новоязе, а на классическом языке, на котором говорил Блок, Пушкин, Чичибабин, и который является неким полем исконного духовного здравомыслия – иной речью».

■ РАЗНОЧТЕНИЯ

■ ЮЛИЯ БАЛАБАНОВА

Таксист-грузин не знает падежи.
Шестнадцать лет в России, а не знает.
Зато он знает, где вода бежит
Не ржавая и хлоркой не воняет.

«Здесь холодно, – мне говорит грузин. –
Сперва чуть выжил, дальше – легче стало».
Куда же он – от бархатных долин?..
Мать русская, и бабушка – с Урала.

Там – апельсины, яблони в цвету.
У нас метёт, а там сейчас – плюс тридцать.
«Я с самолёта как зимой сойду –
Так прямо жарко, не могу напиться».

Ну, про вино, конечно, разговор.
«Вино у нас хорош», – таксист кивает.
В его родном Сухуми каждый двор
Из собственной бутылки разливает.

«Я пробовал тут разные сорта –
И красный виноград давил, и белый.
Но, говорят, у вас вода не та.
Не в винограде, значит, вовсе дело.

К плохой воде я так и не привык,
Ужасная – та, что идёт из крана.
Мне показали тут один родник,
На берегу, за речкой, возле храма».

Да хоть на родниковой – всё одно:
Вечерних песен, старых винокурен,
Цветущих яблонь требует оно,
Что там ещё – в сухумской рецептуре?

У них – плюс тридцать,
здесь – апрельский снег.
И выбрав эту странную свободу,
Он словно ищет родину в вине,
Как ищет для вина живую воду.

■ АНДРЕЙ ЛАПИЦКИЙ

*«Дельфины, милые дельфины!
Мы вас научимся беречь:
Уже почти до половины
Мы понимаем вашу речь»*

А. Л. Решетов

Если взять и тихонечко выйти во двор
среди ночи печальной и гулкой,
перелезть через старый корявый забор
и уйти в глубину переулка,
можно красшком уха услышать рассвет,
меж деревьев крадущийся где-то,
паучков копошение в чёрной траве,
шёпот тлеющей сигареты
и дыхание спящей безликой судьбы,
от которой мурашки по коже,
от которой из пней вырастают грибы,

как гусарские шпаги из ножен,
но которая так же, как ты, хороша
и сошла бы тебе за невесту,
стала б каждую осень тоскливо рожать
непонятных детей бессловесных.
Ты бы с ними, нелепый, лежал на печи
и смотрел, как слезает побелка
с потолка и со стен...
Есть полсотни причин
избежать этой пакостной сделки.
И поэтому ты, возвращаясь домой,
задержись, закулив сигарету.
Взгрозоздись на забор, что-то тихое пой,
наблюдая начало рассвета.

Я спал в такой удобной позе,
что Блок не высказал бы в прозе
и не уехал в паровозе
в печальный город на Неве.
Я там ещё ни разу не был
и не хватал руками небо,
и не писал под кроной клёна
об отшумевшей голове.
Но жил в подъездах Хиросимы,
пережидая злую зиму,
как под Поллодом баба Зина:
увидев свет зловещих глаз,
нащупав горсть брусники спелой,
во тьму вселенскую глядела.
Тайга гудела в вувузелы,
и падал снег. И через час
спустились инопланетяне
и снег растаял, как пломбир,
и сном окутал хрупкий мир
живого тела на диване.

Как Ломоносов на обозе,
как Пушкин рядом с Натали,
как в бездне моря корабли –
в такой я спал удобной позе.

■ ДЕНИС ГОЛИКОВ

Я не писал стихов сто лет,
сто лет не пил я сладкой водки.
Я променял на драндулет
страстей рифмованные сводки.

Я не курил давно травы,
давно не слыл я сумасбродом,
и обращение на «вы»
привык использовать с народом.

Я много времени назад
последний раз застопил тачку.
В обмен, не глядя, сдал азарт,
а получил назад жевачку.

Я стал серьёзен, словно лев,
подстерегающий оленя,
и романтических юных дев
давно не гладил я колени.

Я стал расчётлив и умён,
слагаю без ошибок числа,
уже не помня тех времён,
когда не надо было смысла.

Я был взъерошен и смешон
и подавал весьма надежды,
но нахлобучил капюшон,
но застегнул свои одежды

и выбыл сам – никто не гнал –
прочь с королевского турнира.
Все перья спрятал я в пенал,
и вылил в унитаз чернила.

И вот сижу, герой труда,
в благоустроенной квартире.
И ласково журчат года.
И ласково журчит в сортире.

■ СЕРГЕЙ СНЕЖНЫЙ

НЕВЕСТА (фрагмент)

О чём молчишь, остов собора?
О том ли, что случилось горе
Недавно на святой Руси?
Об этом я тебя спросил.
Ты отозвался небесами
И зазвенел колоколами;
То был твой молчаливый стон,
На моём сердце громкий звон.
Пропел ты, как Христа Иисуса
Ты прославлял над светлой Русью
И в людном храме рая рать
Стяжала Божью благодать.
Приветствуя сестёр и братьев,
Висело в воздухе распяты;
У Царских Врат дьячок ходил
И сладким ладаном кадил.
Вершились Господа законы
И мироточили иконы,
Был воздух в храме – как янтарь:
Светило Солнце чрез алтарь.
Прощались с миром пожилые,
Венчались пары молодые,
Святым крестили Духом чад,
Христианский чествуя обряд.
На исповеди грех сжигали,
Христа прилежно умоляли
О всепрощенье и Любви –
И поклонялись до земли.
К Святой шли Чаше со слезами,
И руки на груди держали,
И целовали Чаши край,
Чтоб причаститься Страшных Тайн.
Рыдали грешники и свечи,
Сердцами постигали вечность;
И от честных святых мощей
Прозрели тысячи очей.
Сверкал иконостас и фрески,
Храм обходили ходом крестным,
На клиросе нестройный хор
Вёл со Всевышним разговор.

И Божья Мать с Чадом Малым
Украдкой при двери стояла.
И сам Спаситель, Царь миров,
Сиял во злате куполов...

■ ОЛЬГА РОЛЕНГОФ

Но прикоснувшись к тайне бытия,
Они по-прежнему беспомощны, как дети,
Российского свидетели жития,
Поэты...

И пусть к ним Муза прыгает в ладонь,
Но в двух мирах они пред ней невольны –
Она их больше, как мирская скорбь,
И ими бьёт, как языком по колокольне...

У Феи-музы множество забот,
Но Питер Пен никак не вырастает,
И только Венди эту жизнь живёт
И умирает...

Где, избавленный от эго,
Взял поэт кусочек неба,
Восхитился им при жизни
Брат его – другой поэт...

Братство скромных пострадавших,
Всё в обмен на быть отдавших,
Нитью тянется меж павших
И идёт на свет...

■ ЕВГЕНИЙ ГУСЕВ

Я пригожусь тебе
Прохладным утром,
Я пригожусь.
И в жаркий день
Под солнцепёком
Я пригожусь.
Храни меня
Под самым боком
Внутри груди,
И если станет одиноко
То
позвони.
Зачем я нужен?
Сам не знаю –
Тебе и всем.
Людей вниманье привлекаю,
Как манекен,
Я не гожусь пока, я знаю,
Не в строй, не в топ.
Позволь мне быть
Росою каплей
У твоих ног.
Полна природа повторений
Готовых схем;
Прохладой веет,
Солнце греет.
А я зачем?

А мы зачем?
Одно я знаю непременно:
Ты для меня!
Необъяснимою вселенной
Сотворена.
Мне остаётся лишь поддаться
Пуститься в путь.
Пусть не сегодня,
Но когда-то
Тебе я точно
Пригожусь.

Я отыщу тебя по формуле духов,
По аромату чисел фибоначчи,
Ты три и пять и восемь не иначе,
Ты математика основа всех основ!

Я отыщу тебя по логике часов
На неба полукруглом циферблате,
Между сияний северных и сотней мудрецов
Ты психобольной лежишь в седьмой палате.

Я отыщу тебя в обойме снегов,
Что осень по-армейски заряжает.
Ты нисходящая угроза от богов,
Ты голос изнутри, который давит.

Я отыщу тебя в растраченности лет,
Ты будешь месяцем, деликатеса долькой.
Я буду выть к тебе с других планет
И уплетать твой свет за обе щёки.

Я отыщу тебя и сброшу карты в пас.
Я проиграю всё в этой раздаче.
Ты моего сердца краткий пересказ.
Я ж для тебя нисколько не значу.

■ МИХАИЛ КУИМОВ

...и однажды окажется, я просто лужа.
На окраине площади, у берегов бордюра.
И случится так, что даже окружность –
Непосильная для меня фигура.
Без сапог ко мне подойти что подвиг,

То разольюсь, то замёрзну по прихоти марта.
В моих водах стояли сотни бумажных лодок
И ни одного действительно стоящего фрегата.
И тогда прохожие будут мечтать о мысах,
Но любая мечта обо мне иль моя утонет.
Лишь воскресный рассвет заметит, я уже высох,
И никто никогда обо мне не вспомнит.

В субботу обещали снег,
А в девяносто третьем – счастье.
Я, вероятно, человек,
Что годен только на запчасти,
Запоминаю те лишь сны,
Их выдают мне по безналу,
В которых раздевалась ты
Или меня ты раздевала.
И, вероятно, я – сырьё
Для третьесортного мультфильма.
Да, обещает мне чутьё,
Что мы провалимся. И сильно
Я верю каждому из слов
Предвозвещений, предреканий
Шаманов с дальних островов.
Чтобы стереть воспоминанья
Необходимо лечь под нож.
А утром, может, будет счастье.
А если неудачно – что ж,
Я буду годен на запчасти.

■ ГЕОРГИЙ ЗВЕЗДИН

Когда плохи дела звони маме
У мамы лицо луны
Лицо картофелины
Лицо Евы
Уходя она оставит моей жене
Вместо скипетра и державы
Три цветных пера и решето
Когда плохи дела звони маме
Мама говорит дятлом
Говорит водопроводной водой
Целует женщиной
Мои друзья в расцвете лет
Боятся червей-работяг

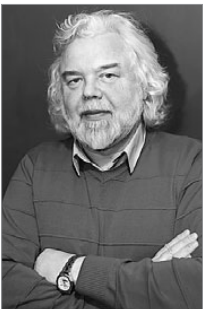
В списке услуг ритуальных контор
Интересуются кремацией
Плохи дела – звоню маме
И когда сотни и тысячи людей
С улиц и площадей
Начали скандировать
«Абонент недоступен»
Веря
Что ты услышишь меня
Я заиграл:
– МА-МА
*Дай расцелую твою лысеющую голову
Лохмотьями губ моих в пятнах чужих позолот
Дымом волос над пожарами глаз из олова
Дай обовью я впалые груди болот.*

Ты слышал о
большевиках-носителях
внеземного разума?
Которые исчезли как Обры
О которых теперь либо
возвышенным слогом Зины Гиппиус
либо
никак
Я
исследую вопрос:
брали ли они в жёны дочерей земли?
Как они выглядели?
Судя
по иконам новомучеников
все –
в остроконечных шлемах с пятиконечной звездой
Вообрази
в семейном альбоме
я нашёл фото
моего молодого деда
в таком же вот
шлеме
Как это объяснить?
Я полагаю: мода
массовый гипноз
И всё же:
брали ли они в жёны дочерей земли?
Подобно сынам божиим.

Стихи опубликованы в авторской редакции

■ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕСТИ

Игорь Тюленев,
Союз писателей России,
г. Пермь

ЧИТАЮЩАЯ РОССИЯ

В Михайловском манеже прошёл Десятый Санкт-Петербургский международный книжный салон. Более ста российских и зарубежных писателей, в том числе и из Крыма, приехали на Книжный салон.

«Даже на фоне такого события, как Петербургский международный экономический форум, Санкт-Петербургский международный книжный салон – 2014 не затерялся. Многие участники экономического форума посетили салон. Наша задача – сделать Санкт-Петербург главной профессиональной книжной площадкой страны...» – сказал вице-губернатор Санкт-Петербурга Василий Кичеджи.

Получили поздравления из космоса участники и посетители Книжного салона с борта Международной космической станции. От имени экипажа всех поздравил бортинженер Олег Артемьев. В рамках Книжного салона был организован сбор благотворительных средств на строительство триумфальной Арки Победы в память героических защитников Ленинграда.

За три дня было проведено более 200 встреч, презентаций, круглых столов, мастер-классов и дискуссий. Вспомнили и 100-летие со дня Первой мировой войны, 110-летие начала Русско-японской войны, 200-летие со дня рождения нашего гения – Михаила Лермонтова и 700-летие велико-

го русского святого Сергия Радонежского.

Большой интерес у читателей вызвали встречи в киноцентре города с журналами «Наш современник», «Молодая гвардия», «Родная Ладога». «Наш современник», который представляли известный публицист и заместитель главного редактора Александр Казинцев и критик Сергей Куняев, предложил для обсуждения тему «Современная русская литература: традиции и авангард – единство и борьба противоположностей». На другой встрече писатель Николай Дорошенко рассказал о работе популярного сайта «Российский писатель»... Конечно на Книжном салоне писателей-патриотов, патриотических журналов и издательств было на порядок меньше чем либеральных! Ну да в России к этому уже привыкли... «В своей стране я словно иностранец» – пи-

сал Сергей Есенин убиенный в Петрограде.

А что было положительного? Весь город был заклеен афишами и баннерами Книжного салона. На улицах пели, плясали, читали стихи. Много было молодёжи, а это особенно радует. Да и сам город был чист и прекрасен! Я там со смехом вспомнил, как три горячие головы (Гельман – бывший пермский галерист, Чиркунов – бывший пермский губернатор, и Мильграм – бывший пермский министр культуры) хотели Пермь назначить культурной столицей Европы. Ребята, слетайте в Санкт-Петербург и вы сразу же, до гробовой доски, расстанетесь со своими необоснованными иллюзиями.

И в завершение хочется сказать, что русская литература жива, а поэзия русская прекрасна! Виват Санкт-Петербург!

Слева направо: участник 9-го Санкт-Петербургского международного книжного салона Игорь Тюленев, Александр Казинцев, Татьяна Воронцова (Крым), Василий Дворцов, Сергей Куняев

У ГРАНИЦ

Не лезьге в душу, дураки,
И со спины не заходите.
Я больно бью с любой руки!
Тех, что упали, оттащите.
Не лезьге в душу, дураки,
Она, как отчина, безмерна.
Там в роще детства родники
И первый поцелуй неверной...
Там в пашне тонет Святогор.
Там через реку едет грека
Через растянутый простор –
От дурака до человека.
Поэтому прошу учесть,
Нарезать на носу зарубок:
Душа, как Родина и Честь,
Врагам не делает уступок.

ЕВРОМАЙДАН

Киев – Лыбедь, Киев – братка,
Матка русских городов!
Киев польская прокладка.
Янукович, будь здоров.
Потому что – или-или:
Всё решается сейчас!
Как обычно яму рыли
Нам, а заманили вас.
«Беркутов» разбили стаю,
Злой Европе напояз...
И «Чому я ни літаю»
Могут спеть они сейчас.
На фашиста Тягнибока
Походить Кличко был рад!
Одурачен люд, поскольку
Харьков и Донецк молчат.
И Москва молчит. Витии
Захватили власть почти...
Но в запасе у России
Остаётся: «Мать ети!»

ДВЕ СТРУНЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: Василий Каменский о Владимире Маяковском

◀ Окончание. Начало на стр. 3.

Да, о чем бы ни писал В. Каменский, он постоянно чувствовал рядом своего друга Владимира Маяковского. Издатель Борис Корнеев мечтал подготовить сборник «Маяковский в жизни». Когда В. Каменский вновь приехал в Тбилиси, Б. Корнеев записал воспоминания поэта об одном из последних выступлений В. Маяковского.

Цитирую эту запись по книге Гарегина Бебутова «Без срока давности. Статьи и очерки» (издательство «Мерани», Тбилиси, 1979):

«Незадолго перед катастрофой Маяковского в большой аудитории Политехнического музея состоялся вечер под названием «Поэты – комсомолу».

Маяковский выступил последним. Появившись на эстраде под гром аплодисментов переполненного комсомольцами зала, он заявил:

– Товарищи, про меня ходят слухи, что будто я стал газетным поэтом и мало пишу монументальных вещей высокого значения. Сейчас докажу обратное. Я прочту вам мою последнюю поэму «Во весь голос», которую считаю самым лучшим из всего мною сделанного.

Маяковский начал читать.

Я сидел на эстраде возле него, слушал, смотрел и невольно вспоминал о том далёком времени, когда в этом же зале Маяковский выступил впервые. Тогда юный, сияющий, расточительным голосом, он как бы взрывался каждой своей стихотворной фразой, подкрепляя всякое своё слово широкими жестами, горел без удержу. Теперь, сегодня, нервный, серьёзный, изработавшийся Маяковский как-то странно рассеянно блуждал утомлёнными глазами по аудитории и с каждой новой строкой читал слабее и слабее. И вот, внезапно остановился, окинул зал жутким потухшим взором и заявил:

– Нет, товарищи, читать стихов я больше не буду. Не могу.

И мгновенно, резко повернувшись, ушёл за кулисы.

В зале поднялся шум. Полное недоумение и крики: «Что случилось?», «Дайте Маяковского, пусть продолжает!», «Просим, просим!» Кто-то из публики заявил: «Товарищи, вы не умеете слушать поэтов. Вы помешали Маяковскому...»

Я бросился за кулисы.

– Володя, что с тобой? Там заявляют, что будто тебе помешали читать. Выйди и объяснись.

Маяковский, уже одетый, в пальто и шапке, с палкой в руке вышел на эстраду и нервно произнёс:

– Товарищи! Никто никогда в жизни мне не мешал читать, работать и жить. Со мной случилось, как говорится, большое внутреннее потрясение. Откуда оно – чёрт его знает. Но читать стихов я больше не буду. Считайте, что вы слышали только отрывок. Ведь бывают же случаи, когда люди читают только отрывки, и это не

вызывает никаких скандалов. Всё в порядке вещей. До свидания, товарищи!

И Маяковский шагнул с эстрады прямо в публику и вышел со всеми в общие двери».

Дружба двух больших поэтов, новаторов в искусстве, продолжалась более двух десятилетий. Василий Каменский не раз выражал свое восхищение могучему таланту своего большого друга и собрата по перу, посвятил ему немало поэтических строк:

*„Дай Бог здоровья себе да коням!
Мы на работе загрызём хоть кого!
Мы не сгорим, на воде не утонем,
Станем — два быка — вво!“*

«Когда поэт Маяковский творит, то кажется, что каждое сказанное им слово вылило из чугуна или выбито из гранита, – писал В. Каменский. – Размах его поэзии огромен, как мировое событие. Процесс его творчества мне ярко напоминает прорыв Панамериканского канала, где два океана – Тихий и Атлантический, пройдя материк, подали друг другу океанские руки. Так футуристическая поэзия Маяковского слилась с примитивизмом искусства каменного века, прорезав материк реализма... В современной поэзии (он) занимает место Казбека» (РГАЛИ, ф. 1497, д. 147, л. 5).

Судьба В. Маяковского продолжала волновать В. Каменского всю жизнь.

В апреле 1930 года Василий Каменский встанет в почётный караул у гроба Владимира Маяковского.

Эта смерть потрясла В. Каменского, его друзей, всю читающую Россию:

«Дорогой Океанский наш Додичка! – писал В. Каменский Давиду Бурлюку, жившему в эмиграции. – Ты, конечно знаешь из газет о самоубийстве Володи Маяка (Маяковский), как мы его звали. Да, брат, столь неожиданно всё это случилось, что мы, его друзья юности, и в эти часы (прошла неделя) остаёмся потрясёнными до жути и говорить об этом ещё тяжело, страшно, больно. Слова тут беспомощны и жалки. И ты прости, что сейчас я не могу об этом сказать, как следовало бы. Очень взволнован. Молчу. Думаю. Разгадываю. Теряюсь в мыслях, путаюсь в его судьбе. 12 апреля, когда была заготовлена предсмертная записка, я обедал с ним в столовой, и мы пили вино – он красное, я – белое. Он был нежен, называл меня «Васичкой» и звал играть на бильярде, но вёл себя крайне рассеяно, нервно, беспокойно. Метался духом. Блуждал глазами «поверх всего», как бы глядялся в даль. После обеда (собственно он не обедал, а только пил «Сен-Жульен» – своё любимое вино) мы расстались. Поздно вечером мы ужинали в союзе, Володя появился в пальто, (в дверях входа в зал) поздравил меня и спросил, с кем сижу. Объяснил. Он ушёл. 13-го встретились на Тверской около моего жилища – я шёл обедать. Он сказал, что может быть зайдёт туда. Не зашёл. Вечером он был в гостях до 2-х часов ночи, где были и Полонская с мужем актёром Яншиным. Она – дочь умершего «короля экрана» Полонского. Я знал её девочкой. Этой зимой Володя сдру-

жился с Норочкой и мужем. После 2-х часов ночи Володя прибыл домой на квартиру. Встал рано. Принял ванну. Побрился. В 9 часов утра заехал к Полонской, чтобы проводить её в театр на репетицию. По дороге они заехали к Володе (Лубянский проезд, 3) и тут в 10 ч. 15 мин. он застрелился (прямо в сердце). Мне позвонили. Меня охватила ледяная дрожь. Я не верил, не хотел поверить, не имел основания и права поверить, но... пришлось. Вскоре я видел его лежащим на постели. Он будто спал, откинув голову в сторону, по-детски. Казалось, вот-вот он проснётся от всех наших рыданий. Его сестра Оля в истерике читала стихи Володи: «Мама, мама, у меня пожар сердца»... (Помнишь: ведь при нас это он и написал и читал «ваш сын прекрасно болен»). Пожаром сердца он горел всю жизнь и сгорел быстро. Ты ли, учитель его, не знаешь, как он бушующе горел в своём непрестанном бунтарстве. Всегда нам было «страшно» за него – так он пылал, вулканически извергаясь лавой кипящих громыжающих поэм. Мы с тобой, Додичка, знали Володю – юношу, любили его, как никто, и мы помним этого Маяка с первых и до последних дней. Начали мы выступать с ним в Политехническом и вот за несколько дней до роковой кончины в этом же Политехническом наш Володя Маяковский прочитал свою поэму в последний раз и последним из поэтов, среди которых был и я. Ты знаешь, как мы связаны с аудиторией Политехнического, где под твоим предводительством проходили наши футуристские вечера, где так ярко блистала исполинская фигура Володи Маяка, где мы, как в большой колокол, таранили в свою бунтующую молодость, делая, «революцию искусства». И вот этого нашего горлана, борца, поэта новой жизни не стало...»

Уже неизлечимо больной, на одном из последних своих рисунков Василий Каменский выводит слабеющей рукой: «Маяковский».

МАЯКОВСКИЙ

*Радиотелеграфный столб гудящий,
Встолбленный на материке,
Опасный – динамитный ящик,
Пятигудовка в пятаерике.*

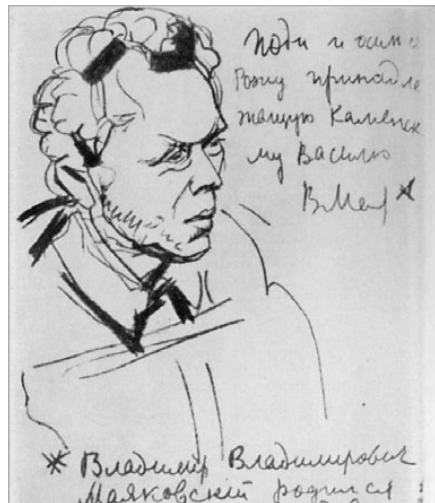
*И он же – девушка расстроенная
Перед объяснением с женихом,
И нервноликая, и гибкостройная,
Воспетая в любви стихом.*

*Или капризный вдруг ребёнок,
Сын современности – сверх-неврастеник,
И жрущий – ржущий жеребёнок,
Когда в кармане много денег.*

*И он – Поэт, и Принц, и Нищий,
Колумб, Острило, и Апаи,
Кто в Бунте Духа смысла ищет –
Владимир Маяковский наш.*

Поэт Ф. С. Востриков читает стихи
в Доме-музее В. Каменского в селе Троица

Портрет В. В. Каменского.
Рисунок В. В. Маяковского. Москва, 1918 год

Звезда В. Каменского на Аллее Славы. Пермь, 2011 год

■ ВРЕМЯ

Максим ЛДУЛЕНКОВ,
г. ПермьК 70-летию Победы в Великой
Отечественной войне**СЕДЬМОЙ**
(отрывок из романа
«Заветными тропами»)

Ровно через неделю Егор трясся в вагоне-теплушке – на запад, тупо и непонимающе смотря то в маленькое окно, то на бумагу, где было написано: «...в распоряжение отдела кадров 2-го Белорусского фронта». Он ехал на войну. Полковник всё спустил на тормозах, под суд не отдали, солдатам вклеили три наряда и отправили на фронт, а ему начальник факультета грустно отдал бумаги, сказав, что лучше быть хорошим инструктором-лыжником, чем плохим пушечным мясом.

Через пару месяцев сидения в резерве Егора направили в дивизию, стоявшую в обороне – на пополнение, оттуда в полк, где майор, командир полка, посмотрев его личное дело, показал пальцем на старшего лейтенанта, сказав при этом Егору:

– Миномётчик? Миномёты-то хоть видел?.. Забирай его к себе в роту, дай взвод из пополнения, азиатов этих и одного обстрелянного. Пусть учит бойцов и сам учится, а то пороха не нюхал, шлют кого попало уже...

С такими наставлениями Егор попал в миномётную роту стрелкового полка, где ему выделили два новеньких миномёта и пару десятков солдат-азиатов, среди которых лишь некоторые более-менее понимали по-русски. Писать письма стало некогда. Бойцы никогда не видели ни винтовок, ни тем более миномётов.

Егор старался, учил, благо, что дивизия была во втором эшелоне, и звуки фронта лишь глухо доносились до расположения роты. Опытный боец у него был один – сержант Толоконников.

Первым делом сержант затащил Егора к себе в землянку, налил спирта и профессионально вскрыл ножом банку тушёнки:

– Сидай, лейтенант, выпьем за знакомство. Тебя как кличут?

– Егором.

– А я Гена. Пей, ты у меня седьмой будешь, – Гена выжучил полкружки спирта и занюхал тушёнкой.

– В смысле – седьмой? – Егор немного оторопел от фамильярности; в Москве солдаты себе такого не позволяли.

Но на груди сержанта блеснула новенькая медаль «За отвагу», и Егор, заворочено глядя на эту награду, не мог противиться стилю общения.

– Ну, ты седьмой командир мой за два года, что я тут в роте. Шесть лейтенантов уж на тот свет проводил, царствие им небесное, – Гена опять выпил и перекрестился. – Семь – счастливое число, повезло тебе, Егорка. В алтаре в церквях стоит семисвечник, седьмой день – отдых после сотворения всего. Так что дойдём мы с тобой до Берлина!

– Дойдём, наверно. А тебе за что медаль дали?

– То-то я смотрю, прожёт глазищами уже мне дырку на груди. Да за последнее наступление дали, как плацдарм на речке этой захватили – вот и дали. А за что – не знаю. Стрелял, как все – и вся недолга. Богу молился, Иисусу Христу, чтоб отвёл смертушку, да стрелял. А медалька-то не моя...

– Как так не твоя? Разве так можно?

– Да вот так. Как мне её дали, я её на гимнастерку привесил, а на завтра – наступление. Ну, как наступление? То немец на нас лезет, то мы к нему в окоп заберёмся. Я пока миномёт устанавливал, ползал в грязи, глядь – нет медальки, только колодка осталась да кольцо. Искать некогда, немец прёт. Обидно. Отстрелялись, приказ позиции менять, я ствол на загровку – и в немецкий окопчик. Там ставим миномёт, пару мин кинули, я залёт, смотрю: прям передо мной такая же медалька лежит. И нет никого. Я её подобрал. Потом спрашивал: чья? А никто не говорит. Видать, убили. Ну, я и надел. Ребята говорили: нельзя, убьёт, как хозяина, да они неверующие. Я помолился, и вот уж два месяца ношу – и живой.

Сержант рассмеялся, затем перекрестился на маленький складень в углу землянки.

– Ты в Бога веришь?

– А как не верить? Бог только и ведает, что будет, и только к нему можно обратиться, попросить, чтобы не убили, не ранили, а если и ранили, то несильно. Победу попросить, радость и спасение после смерти. У кого ещё попросить можно, а, лейтенант?

Егор задумался. Станный тип этот сержант. Как его ещё тут держат? Командир роты сказал – лучший боец, а он в Бога верит, прямо как батя.

Сержант понял молчание по-своему.

– Да не дрейфь, Егор, я в коммунизм тоже верю, товарищ Сталин нам говорит, куда идти, как немца бить, как страну нашу Расею освободить. А Бог – он спасает. Вот ты счастливый же, я говорил, в миномётчики попал, нам же хорошо: в атаку не ходить, сиди себе в тылу, кидай мины, на рожон не лезть. Бог помог, а как ещё?

Так и прошли два месяца. Егор с сержантом тренировали бойцов, говорили про своих родных под кружку со спиртом. Гена и впрямь оказался опытным человеком, наладил даже баньку в землянке и раз в неделю гонял туда весь взвод, чтоб вша не задела.

В Новый год все набились в землянку, выпили, съели праздничную кашу.

Егор всё хотел написать Тоне и родителям, да не мог собраться. Только после Нового года черкнул пару строчек, но забыл в кармане гимнастёрки. Потому как подняли их всех по тревоге и вывели на передок. Там, в окопах, командир роты приказал пристрелять ориентиры и быть готовыми. Утром после артподготовки – наступление.

Егор не спал всю ночь, вроде и не страшно было, не в атаку, как пехоте, идти, но дрожь в теле удержать не мог. Ещё и такой мороз ударил, с туманом, что в его шинели и сапогах было очень холодно. Бойцы спали прямо в окопах у миномётов, а сержант Гена курил на ящике с минами.

– Присаживайся, лейтенант. Боязно?

Егор смущённо пожал подрагивающими плечами:

– Да так...

– Это нормально, я то ж боюсь всё время. Как наступление – дрожу как осинный лист. Ничего, скоро начнём, а там привыкнешь. Хочешь, Богу помолюсь за тебя?

Егор сначала помотал головой, а потом, подумав, кивнул. Сержант зашептал что-то тихо, часто крестился. Неожиданно взвилась ракета, загрохотали выстрелы.

– Ну, началось.

Егор не понял, что началось, но через

полчаса из траншей поднялись бойцы и побежали вперёд. Ротный крикнул сзади:

– Огонь!

Егор машинально повторил команду. Зачавкали миномёты. Сержант не отрывался от прицела. Только проорал:

– Заряд два цепляй, по нашим лупим!

Егор корректировал огонь по приказам ротного. Вскоре снялись, навьючили на себя миномёты и побежали вперёд. Немцев было не видно.

– Ну вот, видишь, как просто, а ты тушевался, лейтенант, – сказал запыхавшийся Гена на очередной позиции.

Егор кивнул, переводя дыхание.

Вечером заняли оборону, вырыли новые окопы и, выставив охранение, выпили положенные наркомовские. Старшина притащил еду, все набросились – весь день не ели.

Поутру снова стреляли, бежали вперёд, пока там не показались немецкие танки. Они появились неожиданно и страшно, смяли пехоту и быстро надвигались на позиции миномётчиков.

Егор залег на дно окопа, рядом грохнулся Гена.

– Всё, хана, уходить надо.

Сверху посыпалась земля, где-то рядом рвануло. Взвод Егора побежал назад.

– Куда?! – Егор высунул голову наружу и тут же её спрятал.

Стреляли отовсюду.

Гена закашлял рядом, передёргивая затвор трофейного автомата, предмета зависти всех бойцов:

– Лежи, лейтенант, убьют!

– Так бегут же! – Егор выскочил из окопа и побежал вслед за бойцами.

Бежал от танков. Кричал, матерился, пытался остановить. Но остановил их не он, а какой-то офицер – с пистолетом в руке.

– Куда, с-суки? Назад! Шас всех перестреляю! Назад! – он прицелился в Егора.

Егор поймал за шкуру двух бойцов, развернул и потащил обратно, к миномётам. Ещё двоих притащил офицер – капитан.

– Стреляйте по пехоте, ёшкин кот, стреляйте!

Егор подскочил к одному миномёту, сержант – к другому. Четыре оставшихся бойца подносили мины.

Капитан стрелял из пистолета в сторону танков и ругался, как сапожник:

– Давай, кидай мины как можно чаще! Родной, кидай!

Егор крутил маховик. Мины полетели. Разрывы легли дальше. Подкрутив настройку, Егор сам несколько раз опустил мины в ствол. Туда! Из-за леска начали стрелять пушки, танки развернулись в их сторону, немцы залегли, а пехота пошла в атаку.

Сержант пинал бойцов, иногда отрываясь от прицела:

– Быстрее мины подносите, нехристи! Смотри, пулемёт справа, давай, заряжай!

Егор повернул ствол миномёта в сторону поливающего огнём немецкого пулемёта.

Бойцы-таджики, что он притащил с собой, лежали в луже крови. Но вездесущий капитан уже загонял в окоп других бежавших.

– Огонь! Заряжай! Огонь!

Мины чавкали противно, миномёт вбивался в грязную коричнево-белую землю. Немецкий пулемёт замолчал. Пехота побежала дальше.

– Лейтенант, не достаём, надо вперёд! – Гена разбирал миномёт и навьючивал его на бойцов.

Егор повторил действия сержанта и,

пригибаясь, они побежали смотреть новую позицию. Бойцы ползли следом.

– Во, хорошая, пушай сюда тащат! – Гена высунул из немецкого окопа, махая Егору рукой.

Егор заскочил, подождал бойцов. Установили миномёты. Опять стреляли – часто, до одури, пока не закончились мины.

Стволы миномётов парили от падающего на них снега. Затихло. Егор и не заметил, как наступил вечер. Стреляли ещё где-то справа.

– Ну, будем ждать мин, стрелять нечем.

Бойцы устало сели в окоп. Егор пересчитал. Десяти не хватало.

– Эх, ни водки, ни еды. Тока к утру подвезут. Пойду, пошарю, может, чего найду. Тут фрицев набито немерено, – сержант полез в траншею, светя фонариком.

Проверил одного, снял часы, выбросил – разбиты. У другого вытащил плитку шоколада и скрылся с ней в траншее. Послышался его голос:

– Нечего тут ловить, пехота всех обшарила, как всегда пусто после них. Эй, лейтенант, смотри, чего я нашёл!

Егор пополз на голос. В свете фонарика блеснули золотые витые погоны на чёрном кожаном кителе.

– Вот никогда такого не видел. Генерал, поди? Смотри, кого мы тут положили. Вон, лейтенант, у него какая сабля! А он живой ещё!

Егор подполз, посмотрел. В траншее, разбитой минами, лежал немецкий офицер с оторванной ногой и развороченным животом. Губы и пальцы его двигались. В званиях Егор не разбирался, но показалось, что офицер высокого ранга.

– Погодь, лейтенант, – Гена приподнял автомат и коротко нажал на спусковой крючок.

Немец дёрнулся и затих.

– Нехорошо живого шманать. Всё равно умрёт. На-ко саблю, красивая, носить будешь. Ах, блин горелый, её осколком пополам разрубило вместе с его ногой! Ну, ничего, я знаю в сапёрной роте умельца. Он тебе из неё такой ножик сделает – закачешься! Бери, всё равно больше нечего брать.

Егор взял липкую от крови саблю, вытер, засунул обе части в сидор. «Пусть будет, если не медаль, так хоть трофей привезу, Тоне покажу», – подумал он, лёг на дно окопа, где было поменьше крови, и заснул.

На следующее утро к ним приполз командир роты и сказал куда стрелять.

Бойцов становилось всё меньше и меньше. Егор сам не отрывался от прицела миномёта. Мины летели за реку, которую надо было перейти. Пехота карабкалась на берег – падали мёртвые люди.

– Меняем позицию, лейтенант, не достаём! – крикнул сержант, разбирая миномёт.

Егор разобрал свой, бойцы потащили ствол и треногу с ящиками мин к берегу. А плита так и застряла в глине, что вытащить её не было сил. Егор с бойцом ковыряли её лопатками, но плита не поддавалась. Сержант обернулся с криком:

– Давай быстрее, лейтенант, сейчас накроют позицию!..

Накрыли. Снаряды рвались рядом, сзади, спереди и прямо у Егора под ногами.

Сержант подполз позже, откинул убитого бойца, посмотрел на лейтенанта:

– Эх, седьмой, должен же ты был выжить, счастливое число-то, божественное... – Потряс Егора за плечи. Разбитая, вся в крови, голова болталась по грязному снегу. – Царствие тебе небесное... Да вроде жив? – Сержант растегнул шинель, приложил ухо к груди. – Точно, живой! Ну, пойдём тогда, лейтенант... – и потащил Егора в ближайшую траншею, оставшуюся в тылу наступающей на Алленштайн 3-й армии 2-го Белорусского фронта.

■ РАЗНОЧТЕНИЯ

Вера БАПЧЕВА,
Клуб Юных Сказочников,
г. Пермь

Я БУДУ УЧИТЕЛЕМ

Ничего у нас в классе удивительного такого не происходит. Только мальчишки иногда дерутся.

Например, толкнул Егор Яшу, случайно толкнул, а Яша, не разобравшись, на Егора с кулаками полез. Получилась драка. Девочки увидели, позвали учителя, учитель пришла – с трудом мальчишек разняла.

Потом ещё случай был. Юзеф с Яшей что-то не поделили. И... началась драка. Опять учителю пришлось разнимать.

В другой раз Никита и Матвей поспори-

ли – прямо на уроке. Слов им не хватило – щипаться начали, затем – толкаться, чуть со стульев не слетели!

И снова учителю разбираться пришлось...

Я очень жалею моего учителя. Бедная, только разнимет, опять драка начинается. Я понимаю: какого это ей – с детьми работать!

Когда я вырасту, я буду учителем – буду разнимать мальчиков. А что ещё остается делать?!

СМЕШНОЙ СЛУЧАЙ

У нас в классе смешной случай был. На музыке... Учитель задал домашнее задание. Все поняли, что делать нужно. Яша – не понял.

Через неделю, когда снова урок музыки был, учитель стал спрашивать у ребят, как они справились с домашним заданием. Все справились. Яша – нет.

А что за задание было? Написать рассказ о танце-польке. Все написали. Яша – не написал, Яша... танец выучил. Польку.

Ох, и хохотали мы, когда Яша танцевать начал вместо того, чтобы тетрадь открыть и читать – вслух. Все хохотали. Учитель не смеялся. Учитель Яше две оценки поставил: двойку и четвёрку. Двойку – за то, что задание не выполнил. Четвёрку – за то, что когда танцевал, всё время... падал.

Вот так.

СИДЕЛА Я НА СТУЛЕ

Сидела я на стуле, смотрела на стену.

На стене дерево нарисовано.

На дереве листья растут, буквы висят, две совы сидят (так художник на одной из стен Пермской краевой детской библиотеки имени Льва Ивановича Кузьмина нарисовал).

Одна сова спит, другая смотрит – делает вид, что в сторону, а на самом деле на меня.

Думает сова: «Какая девочка большая. Наверное, вкусная. Вот бы её съесть!»

Испугалась я, соскочила со стула и убежала.

Да и как не убежать, вдруг на самом деле съест?!

«О»

К нам в садик доктор приезжал. Зубной. По-взрослому: стоматолог. Он во все группы заходил. В нашу – тоже.

Вера Васильевна, это в её смену было, ребят к стоматологу по очереди подзывала и говорила:

– Илья! Сядь! Рот открой! Закрой! Встань! Таня! Сядь! Рот открой! Закрой! Встань! Дима! Сядь! Рот открой!..

Доктор-стоматолог очень серьёзным был.

И писал много – в тетрадку толстую – красивой чёрной ручкой с золотыми полосочками-колечками. И говорил всякий раз – коротко:

– У!

Илье в рот глянул, сказал:

– У! – и в тетраточку что-то записал.

Тане в рот посмотрел:

– У! – сказал и в тетраточку что-то записал.

И Диме «У!» сказал, и Алёшке, и Жене, и Лере – всем. Только Тимофею сказал:

– О! – и долго-долго в тетрадь что-то записывал.

Когда доктор уехал, Тимофей до вечера гордился.

– У меня во рту другая буква живёт! – говорил. – У всех «У», а у меня – «О»!

И вся группа Тимофею завидовала. Неправильно, но завидовала: «У него – «О»!

■ ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ ЮМОР

Андрей ЗЕЛЕНИН,
Союз писателей России,
Звёздный, Пермский р-н

Из рукописи книги

«Забавные истории для детей, родителей и... работников детских садов»

ПРАВИЛЬНАЯ РИФМА

У всех правильных стихов есть рифма. Это когда одни слова на другие похожи – заканчиваются одинаково. Например, палка – галка, дом – гном, пол – стол, лягушка – квакушка, одеяло – убежало. Так нам Инга Витольдовна, воспитатель, объяснила и предложила поиграть в рифмы.

И мы согласились.

И Инга Витольдовна вопрос задала:

– Какую рифму можно придумать к слову «птица»?

– Синица! – Лёнчик руку поднял.

– Молодец! – Инга Витольдовна Лёнчика похвалила. Спросила: – А ещё?

Кирилл руку поднял: – Ворона! – сказал. – Неправильно! – Инга Витольдовна головой помотала.

– А что, ворона – не птица?! – Костик удивился.

– Птица! – согласно качнула головой Инга Витольдовна.

– Ну, и всё тогда, – сказал Костик. – Значит, рифма!

– Ну-у... – протянула Инга Витольдовна. И решила: – Давайте лучше найдём рифму к слову «машина»!

– Шина! – Валерия руку подняла.

– Умница! – похвалила Валерию Инга Витольдовна. Спросила: – А ещё?

– БээМВэ! – Костик сказал.

– Как?! – изумилась Инга Витольдовна. – Машина и «БМВ» – рифма?!

– «БМВ» – это машина! – Костик в ответ выдал – как отрезал.

– Ну... ладно... – вздохнула Инга Витольдовна и третью попытку сделала. – А кто-нибудь знает рифму к слову «игрушка»? – спросила она и почему-то зажмурилась.

– Пушка! – подскочил на стуле Эдик.

Инга Витольдовна промолчала. Костик – нет.

– Хорошая рифма! – одобрил он мысль Эдика. – Правильная. – И добавил: – Я ещё одну такую же правильную рифму знаю: танк!

...Больше мы в тот день в рифмы не играли – Инге Витольдовне расхотелось.

■ ПОЭЗИЯ

Владимир ВИНИЧЕНКО,
Союз писателей России,
г. Пермь

ВОЛЧЬЯ ТОСКА

Захотелось как-то волку
Волчью долю поменять.
Надоело жить без толку,
На судьбу свою пенять.

Сколько можно жить во мраке,
Быть на звёзды по ночам?
Я же родственник собаке,
Только сильно одичал.

Я пойду в деревню к людям –
Стану верно им служить.

ЖУЧКА НА ТУЧКЕ

Плыла по небу тучка.
На ней сидела Жучка
И лаяла на всех.
Ну, просто смех и грех!

А на земле собаки
Все позабыли драки
И лаяли в ответ
На весь наш белый свет:

– Гав-гав, уж коль ты, Жучка,
Сумела влезть на тучку,

Гав-гав, не лай, как злючка,
А передай привет...

– Гав-гав, овчарке Джине!
– Гав-гав, терьеру Винни!
– Гав-гав, боксеру Микки!
– А также таксе Вики!

– Гав-гав, кухне Долли!
– Гав-гав, и тётке Молли!
– И лабрадору Джерри
– И спаниелю Мэри!

– Ещё папаше колли!
– И бабушке его!
– И пожелай им, что ли,
Хорошего всего!

И так они кричали
До самого утра.
А тучку вдаль умчали
Небесные ветра.

Но псы всё так же лают
На тучи много лет.
И до сих пор не знают:
Дошёл ли их привет?

ОБИДА

На белый свет обижен ВОРОН:
– За что меня назвали вором?
Я иногда озоровал,
Но никогда не воровал!

Я требую добавить мне
Законную частицу «не».
И пусть все люди скажут хором:
«На самом деле он –
НЕ ВОР ОН!»

ДВЕ ЧУДАЧКИ

Как-то белая ворона
Повстречалась с чёрной чайкой
И её расцветке чёрной
Удивилась чрезвычайно.

– Я очам своим не верю!
Что за чудная чудачка?
Чем ты вычернила перья,
Чернокрылая рыбацка?

■ ПОЭЗИЯ

Валентина ТЕЛЕГИНА,
Союз писателей России,
г. Пермь

СТОГА

Светит месяц. Спят луга.

А в лугах стоят стога –

Пышные, пахучие,

Тёплые, колючие.

Показалось мне на миг

Что-то сказочное в них:

Будто за околицу

Вышли добры молодцы.

Богатырской силой древней

Веет с луга незнакомо.

Охраняют сон деревни

Богатырские шеломы.

Охраняют поле, пашню,

Мостик, ивы над рекой...

И ничуть не страшно

Под защитой такой.

Тихо в мире. До зари

Спят луга и косари.

■ РАЗНОЧТЕНИЯ

Светлана ВАСИЛЬЕВА,
г. Пермь

НОВАЯ МАШИНА

(стихотворение без конца)

Подарили сыну
Новую машину.
Новую, зелёную,
блестящую!

А он с ней не играет,
А только разбирает
Новую, зелёную,
блестящую!

И остались от машины
Гайки, болтики да шины...

Подарите сыну
Новую машину!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спят на веточках синицы,
В туче спят дождевики.
Даже солнце спать ложится
В облака-перинки.

Ждёт нас мягкая подушка.
Закрывай-ка глазки;
Ночью малышам на ушко
Звёзды шепчут сказки.

НЕ ШУМИТЕ...

Не шумите... Тише... Тише...
Где-то здесь уснули мыши.
Два мышонка под столом,
Два мышонка за углом,
Два мышонка в рукавице...
Пусть мышатам сладко спится.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Пермская краевая общественная организация

Союза писателей России

Газета «ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» зарегистрирована Управлением

Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций по Пермскому краю.

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 59-0576 от 26.08.2011.

Главный редактор — В. В. Якушев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. Богомолов — отдел прозы

В. Ф. Гадышев — отдел публицистики

А. Г. Гребнев — отдел поэзии

А. С. Зеленин — отдел детской литературы

Выпускающий редактор — А. С. Зеленин

АДРЕС РЕДАКЦИИ / ИЗДАТЕЛЯ:

614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30, Дом писателя.

Телефоны: 8 (342) 212 14 97, 212 43 28.

E-mail: permsprossii@rambler.ru

Сайт: www.pisatel.perm.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Все материалы принимаются в электронном виде.

КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

«ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» № 2 (12), 2014 г.

Подписано в печать 03.07.2014. По графику: 16.00. Фактически: 16.00.

Газета отпечатана в ООО «Кунгурская типография»:

Пермский край, 617475, г. Кунгур, ул. Криулинская, 7.

Заказ № 3283. Тираж 2000 экз.

Газета распространяется бесплатно.